

УДК 165.1+37.01

UDC 165.1+37.01

ПОНЯТИЕ РЕИФИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ¹

THE CONCEPT OF REIFICATION IN MODERN SOCIO-HUMANITARIAN DISCOURSE

А. А. Полонников,
кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии
образования и развития личности
Института психологии Белорусского
государственного педагогического
университета имени Максима Танка;

A. Polonnikov,
Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor, Department
of Educational Psychology and Personality
Development, Institute of Psychology,
Belorussian State pedagogical University
named after Maxim Tank;

Н. Д. Корчалова,
методист высшей категории
Главного управления образовательной
деятельности БГУ

N. Korchalova,
Methodologist of highest qualification
category of the General Directorate
of Educational Activities, BSU

Поступила в редакцию 15.04.2024.

Received on 15.04.2024.

В настоящем тексте осуществляется разработка понятийных средств эпистемологического описания образовательной реальности, ориентированного на поиск ресурсов интенсификации образовательных инноваций. Авторы статьи полагают, что в условиях современной информационной ситуации продуктивность учебного семиозиса блокируется устоявшимися процессами реификации (овеществления) циркулирующих в образовании знаний. В то же время интерпретация образовательной реификации как производной от образовательного взаимодействия позволяет поместить ее в фокус педагогического экспериментирования и формулировать новый круг учебных задач.

Ключевые слова: учебный семиозис, эпистемология образования, реификация, образовательные инновации.

in this text, the development of conceptual means of an epistemological description of educational reality, focused on the search for resources for the intensification of educational innovations, is carried out. The authors of the article believe that in the conditions of the modern information situation, the productivity of educational semiosis is blocked by established processes of reification (reification) of knowledge circulating in education. At the same time, the interpretation of educational reification as a derivative of educational interaction makes it possible to place it into the focus of pedagogical experimentation and formulate a new range of educational tasks.

Keywords: educational semiosis, epistemology of education, reification, educational innovations.

Введение. Описание образования, несмотря на кажущуюся его простоту и очевидность, представляет собой сложный комплекс проблем, связанный, прежде всего, с зависимостью образовательной реальности от дескриптивного языка и способа его использования. В данном изложении будет использоваться пансемиотический подход, фокусирующийся на процессах учебного семиозиса (связях между знаками, образами и понятиями, коммуникативными позициями, фигурирующими в учебных ситуациях).

Контекстом, в котором функционирует учебный семиозис сегодня, выступает новая информационная ситуация, размывающая

границы эпистемологического контроля как условия производства и использования знаний. Ответом на это обстоятельство становится наращивание образовательной системой средств стабилизации знаниевой динамики прежде всего на микроуровне эпистемологического обмена. Следствием этого становится овеществление (реификация) знаний, замыкающее учебный семиозис и его пользователей в относительно непроблематизирующем его основания воспроизводстве. Ниже мы обратимся к анализу некоторых подходов в трактовке реификации в аспекте образовательного семиозиса. В заключение мы обратимся к потенциалу понятия «реификация» для формулировки идей развития современного образования.

¹ Работа выполнена при поддержке Министерства образования Республики Беларусь (НИР № ГР 20211214).

Реификация в марксистской критической теории

Концепция овеществления (реификации) в марксистской критической теории связывает его генез с анализом капиталистических отношений, ведущих к разрыву связи между непосредственным производителем продукта и самим продуктом, когда последний теряет признаки субъектности работника и превращается в противостоящую ему враждебную силу. С помощью категории «реификация» марксистская и постмарксистская критика обнаруживает в «чисто экономических» процессах гуманитарную составляющую, показывает, как механизмы «эксплуатации и господства ведут к нарушению правил функционирования социальной общности (аномии), потере смысла (разочарованию) и инверсии свободы (подавлению), что ... ведет к отчуждению индивида от самого себя, другого и мира в целом» [1]. Реификация равно расчеловечивание, поскольку реифицированный индивид «может забыть о своем авторстве в деле создания человеческого мира...» [2, с. 147].

Постмарксистский философ К. А. Далбоско показывает деформирующее человеческое сознание действие капиталистической реификации, с помощью которого в социуме утверждается «модель товарной биржи, где все, что не является вещью, не имеет ценности» [3, р. 36]. Товаризация в версии Далбоско означает то, что значение вещей определяется их полезностью, связь с другим – возможностью осуществления сделки, собственный субъективный мир – расчетом утилитарных шансов [там же, р. 37]. В итоге «при капитализме овеществление становится второй природой человека» [там же]. Капиталистическая реификация в этой редакции может быть понята как доминирование в социальных сферах экономического дискурса, ведущего к навязыванию человеку экономического измерения, переводу его в исчисляемую величину, подчиненную логике прибыли и эффективного использования. В образовании сегодня это предстает как его «экономический поворот», проявляющийся в превращении последнего в сферу услуг и производственную единицу в целом. «Экономика знания», фигурирующая в массовом сознании, обнаруживает свою теневую сторону – реификацию образовательных отношений, превращение субъектов образования в эквивалент меновой стоимости. Это обстоятельство не прошло мимо критической педагогической рефлексии, в том числе в связи с обсуждением проблем формирования современной образовательной политики.

Реификация в коммуникативной теории Ю. Хабермаса

Несколько иначе представляет феномен «реификации» Ю. Хабермас, связывающий его значение с влиянием на человеческий мир способа управления государством. Хабермас ставит во главу угла своей концепции овеществления условия организации жизни массового общества, строящегося на преобладании «экономических, бюрократических и вообще когнитивно-инструментальных форм рационализации» [4, с. 358]. Реификация, с его точки зрения, объективно порождается повышением социальной значимости регулятивно-организационных аспектов, неизбежных в массовых сообществах, которые не просто десубъективируют межличностные отношения, но и бюрократизируют социальные связи, когда объективно функцию их регуляции начинают выполнять безличные управленческие инстанции: нормативные документы, компьютерные программы, институты распределения и контроля. При этом возникает своего рода парадокс. С одной стороны, происходит рост отчуждения человека от участия в регуляции социальных связей, что на психологическом уровне может выражаться в анимизме, стремлении людей одухотворять бюрократические структуры, например, определять их в нравственных категориях. С другой, поскольку регуляция заключается в упорядочивании, она неизбежно ведет к акцентуации индивидуальности человека, непрерывно производимой социальной дифференциации, превращении его в идентифицируемую единицу, подлежащую учету и размещению в социальной матрице. Индивид должен быть исчисляемым и фиксируемым, без чего управление социальными потоками проблематично. В бюрократическом идеале эта функция подлежит автоматизации и передаче электронным устройствам.

Выход из сложившегося положения Хабермас и его последователи связывают с созданием сообщества сотрудничающих и говорящих друг с другом людей. Они полагают, что повседневная коммуникативная практика такого рода позволит «достичь взаимопонимания с учетом притязаний на значимость – и это единственная альтернатива более или менее ненасильственного воздействия людей друг на друга» [5, с. 33].

Представляемый Хабермасом взгляд на механизм реификации критически анализирует Ж. Бодрийяр, согласно которому бюрократическая сингуляризация индивидов порождается рационализацией жизни массового общества, и ее нельзя рассматривать только как нечто принудительное по отношению к самим

индивидам. Атомизация последних есть процесс их внутреннего перерождения, ведущий к «концу социальности». В массе, замечает Ж. Бодрийяр, «невозможен обмен смыслами – они тут же рассеиваются, подобно тому, как рассеиваются в пустоте атомы» [цит. по: 2, с. 12].

Однако идея реификации как бюрократизации, производной от социального распределения, может оказаться продуктивной при анализе образовательных отношений. Ситуация в современном образовании связана с определенной демографической избыточностью. Количество учащихся учреждений среднего специального и высшего образования, оправдываемое как демократическими ценностями, так и финансово-экономическими соображениями, вызывает серьезные затруднения, связанные с их учетом. Но главное то, что формализация образовательного процесса, обусловленная его массовизацией, объективно ведет к потере качества, подмене содержательных ориентаций в обучении исполнением отчетно-контрольных функций.

Коммуникативная версия реификации, в предложенной реконструкции, позволяет рассматривать бытующие в современном образовании отношения не с точки зрения проявлений административного произвола, а как бюрократическое следствие демократизации и массовизации педагогических обстоятельств в виде приобретения распределительной инстанцией «субъектности», порождающей «общее выражение лица» у тех, кто реализует управленческие функции. Последнее не означает фатальности действия реифицирующей коммуникации тенденции, но ее ограничение – отдельная теоретическая и практическая проблема, решение которой связано не с налаживанием «взаимопонимания», а с созданием приспособленных к условиям массового образования механизмов взаимодействия, включая ослабление административного контроля, либерализацию академических правил, выработку критериев содержательной экспертизы продуктов учебной деятельности, реорганизацию аттестационных процедур и пр.

Реификация в социально-феноменологической теории

Социально-феноменологическая версия реификации П. Бергера и С. Пулберга трактуется как явление, генетически связанное с активностью сознания, реализующего следующий порядок интенциональных актов: объективация, объектификация, отчуждение и овеществление. Реификация выводится не столько из социальных обстоятельств, сколько

из обусловленных ими сознательных процессов и состояний. В отличие от полагания Хабермаса, она обусловлена не патологией коммуникации, а инверсией ментальных условий, определяющих для его участников значения социального мира. Этот мир, согласно данному подходу, существует в форме координации индивидуальных значений, которые воспринимаются как картина мира, существующая независимо от человеческих действий.

Под объективацией понимается «процесс, посредством которого человеческая субъективность воплощается в доступных ему самому и другим продуктах общего мира» [6, р. 199–200]. В этом плане объективация – необходимая составляющая человеческой рецепции, связанная с переходом предмета из интрасубъективного статуса в интерсубъективный. Объективность тогда означает своего рода коммуникативную доступность, а не позитивистскую независимость объекта от отражающего его сознания. Объективация, по Бергеру и Пулбергу, не выступает продуктом осознанности интенционального предмета индивидом, а соотнобразится с диалогическим социальным подтверждением или с расчетом на него. Содержание сознания в результате становится доступным и адресату, и адресанту. Объектификация же понимается как конкретизация объективированных содержаний. Будучи объектифицированными, объективированные предметы приобретают интерсубъективную зримость и, как разделяемые структуры, способствуют становлению социального согласия. Бергер и Пулберг считают, что «объективация и объектификация антропологически необходимы» [там же, р. 201]. Отчуждение соотносится с разрывом социальной связи в процессе объективирующих интенцию действий. Отчуждение индивида означает высокую степень «асимметрии между социально определенной реальностью, в которую он *de facto* заключен как в чуждый ему мир, и собственной субъективной реальностью, которая лишь самым бедным образом отражает этот мир» [2, с. 267]. На психологическом уровне отчуждение проявляется в аффективной реакции, ресентименте (обиде), когда неподдающаяся согласованию реальность предстает как объективное зло, повлиять на которое индивид не в силах.

Овеществление в этом контексте является собой дальнейшее развитие патологического процесса, «когда характеристика вещи становится эталоном объективной реальности» [6, р. 202]. В результате уже ничто, что не имеет характера вещи, не может быть представлено как реальное. Подобная трактовка овеществления не означает, что идеальные

сущности просто превращаются в некие материально устроенные объекты. Никто из носителей реифицированного восприятия, если он психически здоров, не станет отрицать наличие объективных жизненных обстоятельств. Речь идет о приписывании им отрицательного знака, об отношении негации к явлениям, порожденным независимыми от индивида и противостоящими ему силами. Кроме того, этим силам вменяется наличие собственной природы.

Реификация в социально-феноменологическом изложении функционирует в структуре интенционального акта как дисфункция сигнификации. Ее корректировка соотнобразуется с институтами социального нормирования, педагогикой и терапией и «включает применение концептуальных механизмов с той целью, чтобы актуальные и потенциальные девианты пребывали в рамках институционализированных определений реальности» [2, с. 184]. Поскольку социальные феноменологи держат в фокусе интереса вопросы конституирования и конструирования социальной реальности с точки зрения форм участия в этом производстве индивидуализированных акторов, постольку реификация (как дисфункция сигнификации) содержит в себе угрозу социальной деструкции, отвести которую стремится данный подход. Когда же мы обращаем эту логику овеществления к реальности образования, вопрос о ней звучит не в перспективе ее сохранения, а в модальности изменения, опирающегося на реконструкцию социальных обстоятельств и реинтерпретацию сигнификативных процессов как коммунального производства. Помещение в фокус внимания процесса сигнификации позволяет в перспективе определить действенные механизмы самоизменения образования на микроуровне образовательных отношений.

Реификация в теории социальных репрезентаций

Представленные выше подходы занимают внешнюю по отношению к реальности точку зрения, конституируемую дисциплинарно организованной позицией исследователя. Взгляд на реификацию диктуется перспективой ученого-наблюдателя, в то время как позиция участника сигнификативного процесса остается в тени.

Попытку смягчения внешнезаданной точки зрения на реификацию предпринял ряд исследователей, амплифицировавших роль индивидов в производстве «реификатов». В частности, Н. Л. Полякова и В. В. Афанасьев подчеркивают обретение знания в процессе восприятия индивидами арбитражной инфор-

мации тех или иных зримых форм [7, с. 330]. Авторы указывают на изменение характера знания в ходе его понимания – на знаково-семиотическую трансформацию, выступающую в виде «чувственно-фиксируемого удостоверения в высшей степени абстрактных и трудно верифицируемых отношений» [там же, с. 334]. Они сосредотачиваются на отношении обучающихся к сложным абстрактным понятиям, приобретающим в ходе их рецепции упрощенную схематизированную форму. То, что экспонируется в образовательном процессе в орально-текстуальном качестве, не сохраняется в первоначальном виде, но становится представлением, имеющим фигуративную организацию. Это значит, что в процессе учебного взаимодействия слово качественно модифицируется, превращаясь в образ.

Продуктивная гипотеза об этом содержится в исследованиях С. Московичи, который руководствуется вопросом о том, что происходит с исходно абстрактным (научным) знанием в ходе его ассимиляции организованностями здравого смысла, каков его ментальный аналог. В общем виде идея Московичи может быть выражена как последовательное преобразование абстрактного объекта в его визуализированную ипостась. Он выделяет в процессе овеществления несколько шагов: персонификацию, деконтекстуализацию, автономизацию и натурализацию (онтизацию). Центральным моментом реификации у Московичи выступает формирование ментального образа, который размещается среди других знаниевых структур, образуя с ними своего рода сеть. Это единство топологического характера, в его центре – образное ядро присвоенной идеи [8, р. 38]. Как следствие, абстрактные структурные элементы теории становятся конкретными и изменяют свою природу, превращаясь из нуменальных образований в феноменальные.

Разработанная С. Московичи и его школой гипотеза реификации продуктивна для обстоятельств современного образования. Последние связаны с символической избыточностью, обусловленной информационным бумом и демократизацией знания и все еще актуальным для образования требованием мировоззренческого академизма (системности) и постоянно сокращающимся временем обретения образовательной компетентности, что ведет к редукции и жесткому кодированию единиц учебной информации, для контекстуализации которой не хватает методических ресурсов. Речь идет не о том, что преподаватели и другие источники информации игнорируют контекстуализирующую работу, но о том, что обучающиеся не вовлечены в этот тип отношения со знанием. Этому способствует повсеместно наблюда-

емая экспансия в обучении разного рода методических средств, которые способны обеспечить лишь кратковременную идентификацию эпистемологических объектов, применимую исключительно в аттестационных целях.

В этой связи гипотеза реификации С. Московичи, которая описывает ассимиляционный эпистемологический механизм, обладает эвристической ценностью, объясняющей многие явления современного образования, в том числе низкий уровень знаний обучающихся, их неспособность к конструктивно-практическому применению воспринятых на занятиях и в самостоятельной учебной работе сообщений. С этой точки зрения, реификация знаний есть закономерное следствие реализации действующего дидактического устройства.

Заключение. Нами были выделены несколько подходов к трактовке реификации в современном социогуманитарном дискурсе, которые могут оказаться продуктивными для построения концепции образовательной реификации. Общая тенденция этих реконструкций заключается в трактовке ее как патологии социального взаимодействия или ментальной активности, ведущих к гомогенизации и гипостазированию воспринимаемой индивидами реальности, блокировке доступа индивидов к процессу производства знания и дегуманизации общественных отношений, что не должно рассматриваться как неизбежность; необходимо обнаружить в функционировании реификации позитивный смысл. Поскольку реификация являет собой эпистемологическую операцию над значениями реальности, в ряде языковых игр она предстает в качестве их необходимого структурного элемента. На позитивный смысл реификации указывает Л. А. Микешина, объясняя его «особой онтологией социальных и гуманитарных объектов и социально-конструктивистским пониманием общества. Гипостазированные сущности в сфере культуры и социума могут быть оправданы, если, реифицируясь через институции, коммуникации и деятельность людей, они обретают объективное существование по принятым в обществе правилам» [9, с. 44].

В ряде научных исследований реификация есть их необходимый момент, особенно когда их предмет недоступен чувственному познанию: ученые создают теоретические объекты, которым в исследовании приписываются значимые для них структурные свойства: в компьютерном моделировании умопостигаемое

абстрактное представление преобразуется в визуально воспринимаемый предмет манипулирования, а «овеществление помогает в преобразовании невыраженной, неявной идеи в концептуальную или логическую» [10].

Другая сфера позитивности может быть обнаружена в явлениях сложной коммуникации, когда взаимодействующие инстанции не обладают общим кодом или исходят из неконгруэнтных контекстов. Для обеспечения продуктивной коммуникации в ситуации отсутствия единой системы кодирования необходимо создание временных объектов-посредников кратковременного действия. Реификаты функционируют как временные опоры коммуникации, условность, принимаемая сторонами на весь период взаимодействия как безусловность. На это обстоятельство указывает, например, Ю. М. Лотман, анализируя условия парадоксальной коммуникации. В его концепции объект-посредник, позволяющий преодолевать различия, именуется «единой семиотической личностью» [11, с. 607], а конструкции этого типа лежат в основе культурогенеза, базовым механизмом которого выступает кодовое несоответствие.

Еще одна область позитивности – сфера профессиональных практик, где условности осознаваемы в момент их создания и автоматизированы в ходе реализации, а конструктивность выносятся за скобки, приобретая в профессиональном взаимодействии статус овеществленной сущности. Это обусловлено требованиями производственной оперативности, редуцирующими и имплицитными условиями побуждающими практиков использовать реификаты как инструментальные ресурсы.

Однако в образовании приходится воспринимать феномен реификации скорее как проблему, поскольку реификаты, будучи вписанными не только в семиозис образования, но и став элементами культурного семиозиса, способны проявлять себя как фактор мировоззренческой стагнации и триггер непреодолимого межкультурного конфликта. Последнее связано с тем, что вещь обладает для реифицированного сознания абсолютной безусловностью и очевидностью, порождая неприятие того (тех), для кого «очевидное» не столь очевидно. В этом статусе феномен реификации выступает современным вызовом образованию и новой учебной задаче.

ЛИТЕРАТУРА

1. Vandenberghe, F. Reification: History of the Concept / F. Vandenberghe // Logos. Journal of modern society & culture. – 2013. – Vol. 12, № 3. – P. 60–66.

REFERENCES

1. Vandenberghe, F. Reification: History of the Concept / F. Vandenberghe // Logos. Journal of modern society & culture. – 2013. – Vol. 12, № 3. – P. 60–66.

2. Бергер, П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Academia-Центр; МЕДИУМ, 1995. – 321 с.
3. Dalbosco, C. A. Reificação, reconhecimento e educação / C. A. Dalbosco // Revista Brasileira de Educação. – 2011. – Vol. 16, № 46. – P. 33–50.
4. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М. : Весь Мир, 2003. – 416 с.
5. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2001. – 382 с.
6. Berger, P. Reification and the Sociological Critique of Consciousness / P. Berger, S. Pullberg // History and Theory. – 1965. – Vol. 4, № 2. – P. 196–211.
7. Полякова, Н. Л. Немецкая социология : учеб. пособие / Н. Л. Полякова, В. В. Афанасьев. – М. : Канон+, Реабилитация, 2010. – 448 с.
8. Moscovici, S. The phenomenon of social representations / S. Moscovici // Social Representations. – Cambridge, 1984. – P. 3–69.
9. Микешина, Л. А. Эпистемологическое оправдание гипотезирования и реификации / Л. А. Микешина // Вопросы философии. – 2010. – № 12. – С. 44–54.
10. Randy, A. Reification [Electronic resource] / A. Randy // Continuousdev. – Mode of access: <https://ru.continuousdev.com/21674-reification-5942>. – Date of access: 05.11.2023.
11. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство–СПБ, 2000. – 704 с.
2. Berger, P. Social'noe konstruirovanie real'nosti / P. Berger, T. Luckmann. – M. : Academia-Centr; MEDIUM, 1995. – 321 s.
3. Dalbosco, C. A. Reificação, reconhecimento e educação / C. A. Dalbosco // Revista Brasileira de Educação. – 2011. – Vol. 16, № 46. – P. 33–50.
4. Habermas, J. Filosofskij diskurs o moderne / J. Habermas. – M. : Ves' Mir, 2003. – 416 s.
5. Habermas, J. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie / J. Habermas. – SPb. : Nauka, 2001. – 382 s.
6. Berger, P. Reification and the Sociological Critique of Consciousness / P. Berger, S. Pullberg // History and Theory. – 1965. – Vol. 4, № 2. – P. 196–211.
7. Polyakova, N. L. Nemeckaya sociologiya : ucheb. posobie / N. L. Polyakova, V. V. Afanas'ev. – M. : Kanon+, Reabilitaciya, 2010. – 448 s.
8. Moscovici, S. The phenomenon of social representations / S. Moscovici // Social Representations. – Cambridge, 1984. – P. 3–69.
9. Mikeslina, L. A. Epistemologicheskoe opravdanie gipostazirovaniya i reifikacii / L. A. Mikeslina // Voprosy filosofii. – 2010. – № 12. – S. 44–54.
10. Randy, A. Reification [Electronic resource] / A. Randy // Continuousdev. – Mode of access: <https://ru.continuousdev.com/21674-reification-5942>. – Date of access: 05.11.2023.
11. Lotman, Yu. M. Semiosfera / Yu. M. Lotman. – SPb. : Iskusstvo–SPB, 2000. – 704 s.